

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-4-64-71

«Как апельсин в суп»: средства построения словесного образа в рассказе А. С. Грина «Корабли в Лиссе» (К 140-летию со дня рождения)

Елена Михайловна Виноградова

г. Москва, Россия,

e-mail: evinogradova@proc.ru

Цель статьи – на основе анализа языковых средств раскрыть специфику создания художественного образа в творчестве А. С. Грина. В статье рассматривается ассоциативность как ведущий принцип художественного стиля писателя; на примере анализа фрагмента рассказа «Корабли в Лиссе» демонстрируется роль инициального сравнения как средства организации языкового материала и выявления смысла произведения. Автор использует метод сопоставительного анализа для установления сходства и различия в процессе создания художественных образов; семантико-стилистический метод, позволяющий описать семантический и коннотативный объем анализируемой единицы в тексте; прием определения ассоциативных связей как средство раскрытия подтекста произведения. В статье сделан вывод о роли ассоциаций в построении и понимании образной системы А. С. Грина.

Ключевые слова: ассоциативность; символ; метафоричность; сравнение; инициальное предложение; подтекст

Ссылка для цитирования: Виноградова Е. М. «Как апельсин в суп»: средства построения словесного образа в рассказе А. С. Грина «Корабли в Лиссе» (К 140-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 4. – С. 64–71. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-4-64-71.

«Like an Orange in Soup»: Means of Building a Verbal Image in the Short Story «Ships in Liss» by A. S. Grin (To the 140th Anniversary of the Birth)

Elena M. Vinogradova

Moscow, Russia,

e-mail: evinogradova@proc.ru

The aim of this article was to reveal the specifics of creating a word picture in the works by A. S. Grin. To this end, an analysis of language means used by the writer was carried out. The article considers associativity as the leading principle of the writer's artistic style. An analysis of a fragment of the short story «Ships in Liss» illustrated the role of initial comparison as a means of organizing the language material and identifying the meaning of the work. The method of comparative analysis was used to establish similarities and differences in the process of creating artistic images. The semantic-stylistic method was used to describe the semantic and connotative volume of an analysed unit in the text. The method of determining associative relations allowed the subtext of the work to be revealed. A conclusion is drawn about the significant role of associations in the construction and understanding of the imagery of A. S. Grin.

Keywords: associativity; symbol; metaphoricality; comparison; initial proposal; subtext

A reference for citation: Vinogradova E. M. «Like an orange in soup»: means of building a verbal image in the short story «Ships in Liss» by A. S. Grin (To the 140th anniversary of the birth). In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 4, pp. 64–71. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-4-64-71.

«Есть люди, напоминающие старомодную «Етабакерку...» — так начинается один из лучших рассказов Александра Степановича Грина (1880–1932) «Корабли в Лиссе»¹ (опубликован в 1922 г., хотя написан в 1918-м).

Сравнение можно отнести к самому писателю, творчество которого остается далеко не в полной мере понятным. Повышенная тропеичность гриновского текста, детали, описания и лирико-философские рассуждения кажутся «архитектурными излишествами», виньетками причудливого языка писателя, через который спокойно переступают и юные, и взрослые читатели. Однако

¹ В журнале «Мир приключений» (1924, № 1) рассказ опубликован под названием «Битт-Бой, приносящий счастье».

язык Грина является самым ярким выражением своеобразия его художественного мышления. Э. Багрицкий полагал, что «мало кто из русских писателей так прекрасно овладел словом во всей его полноценности», как Грин². «...У него вдохнешь одну строчку и задохнешься», — завидовал Грину А. С. Новиков-Прибой [Воспоминания об Александре Грине 1972: 309].

Суждения о стиле Грина, сделанные В. Е. Ковским более полувека назад, не потеряли своей актуальности. Исследователь обращает внимание на необычные эпитеты, «всепроницающую метафоричность», ряды однородных членов (нередко намеренно эклектичные), игру синонимами, антитезу (во многих случаях определяющую композицию произведений), «магию неологизмов и выдуманных названий». Поэтическая природа прозы Грина проявляется, по мнению В. Е. Ковского, в «напряженном лиризме и оригинальнейшем ритмическом узоре», в «ассоциативных, подчас сверхсмысловых, опорах изображения» [Ковский 1969: 249–250]. Ассоциативность определяет своеобразие стиля: «на принципе ассоциативности построена вся гриновская система образительности» [Там же: 238].

Безусловно, с ассоциативным способом мышления связана и отмечаемая другими исследователями особая роль в произведениях Грина и метафор, и сравнений³, и символов⁴, строящихся на параллелизме свойств сравниваемого и объекта сравнения,

означаемого и означающего. В тропах Грина обнаруживается общее свойство — соединение трудно определимого с чувственно конкретным. Благодаря сложной системе сравнений, метафор, метонимий, звуковых ассоциаций, паронимической аттракции и другим средствам актуализации внутренней формы слов, композиции фабулы и системе персонажей Грин добивается «живописной убедительности» даже предельных абстракций [Там же]. Отдельные «удивительные метафоры Грина», замечает В. Е. Ковский, «в сущности воспроизводят в миниатюре конструкцию большого мира его произведений, который сочетает максимальную обобщенность целого с подчеркнутой конкретностью частного» [Там же: 239]⁵. Смысловые лакуны стимулируют познавательную деятельность читателя, его воображение, потребность найти в тексте опоры для конструирования художественного мира; отсюда неизбежная субъективность и множественность интерпретаций, дополняющих друг друга в постижении смысла гриновских произведений.

Писатель сам подсказывает стратегию чтения и перекодировки словесной ткани, поиска ассоциативных цепочек, в которых обнаруживаются смысловые доминанты. Здесь Грин не делает различия между пониманием реального мира и содержания книги. Вспомним, как читает книги Ассоль, главная героиня феерии «Алые паруса»: «Она умела и любила читать, но и в книге читала преимущественно между строк, как жила»⁶. И в жизни, и в книге «видела она еще сверх видимого», «все просто понятное было чуждо ее душе»; «бессознательно, путем своеобразного вдохновения она делала на каждом шагу множество эфирнотонких открытий, невыразимых, но важных, как чистота и тепло». «Кружево тайн в образе повседневности» — таким представлялся мир Ассоль, и таким же представляется читателю художественный мир Грина,

обобщения в прозе А. Грина: развитие символической образности: дис. ... канд. филол. наук. — Псков, 2004.

⁵ Примечательно суждение С. Кржижановского о том, что у Грина быт включен в бытие как его слог и ингредиент, благодаря чему тень не отрывается от вещи, а в отрыве от бытия быт бессилен и мним [Кржижановский 2001: 532].

⁶ Тексты произведений А. С. Грина цит. по: Грин А. С. Собр. соч.: в 6 т. — М., 1980.

² Письма Багрицкого, письмо № 24 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.imli.ru/litnasledstvo/Tom74/Tom74-12_Письма.pdf (дата обращения: 15.03.2020).

³ Так, по наблюдению Т. Я. Бочковской, «сравнения — наиболее часто употребляемое писателем художественное средство» в романе «Бегущая по волнам» [Бочковская 1990: 15]. В словаре А. П. Квятковского сравнение определяется как «образное выражение, построенное на сопоставлении двух предметов, понятий или состояний, обладающих общим признаком, за счет которого усиливается значение первого предмета» [Квятковский А. П. Поэтический словарь. — М., 1966 [Электронный ресурс]. — URL: <http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/> (дата обращения: 11.03.2020)].

⁴ См.: Романенко В. А. Лингвопоэтическая система сквозных символов в творчестве А. С. Грина: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1999; Козлова Е. А. Принцип художественного

выраженный в словесной ткани. В романе «Бегущая по волнам» образ Несбывшегося, во всей его огромности и стройности, складывается в сознании героя-рассказчика постепенно, как результат «двойной игры, которую мы ведем с явлениями обихода и чувств»; «архитектурная острота» вырастает «из оттенков параллелизма». Такой же поиск соответствий в образном строе произведений Грина требуется от читателя. Ассоциативные поля развертываются внутри текста произведения, дополняются отсылками к другим текстам писателя и к внеязыковой действительности (в том числе к пространству культуры).

Обратим внимание на специфический гринковский прием, связанный с использованием кавычек в роли знака отстранения семантики языковой единицы: номинативные единицы становятся маркерами обманчивого сходства и кажущегося тождества, неоднозначной связи означаемого и означающего. В романе «Бегущая по волнам» главный герой видит в «волнующих словах» (в названиях кораблей, стоящих в гавани Лисса) знаки Несбывшегося:

...«Сидней», — «Лондон», — «Амстердам», — «Тулон»... Я был или мог быть в городах этих, но имена гаваней означали для меня другой «Тулон» и вовсе не тот «Сидней», какие существовали действительно; надписи золотых букв хранили неоткрытую истину.

Такие языковые единицы — одно из проявлений поэтики «оттенков параллелизма»; обозначая чувственно конкретные бытовые реалии, они имплицитно выражают абстрактный подтекст, указывающий на бытие.

Вернемся к начальному фрагменту рассказа «Корабли в Лиссе» — сильной текстовой позиции. Небольшая первая глава рассказа представляет собой один абзац, содержащий построенное на развернутом сравнении лирико-философское рассуждение о людях определенного типа. Начало второй главы расширяет предмет описания и превращает его в парадигму явлений, которые могут быть соотнесены со старомодной табакеркой: «Как есть такие люди, так есть семьи, дома и даже города и гавани, подобные выше приведенному примеру...»

Уподобляя различные объекты определенному типу людей, Грин говорит о человеке с его жизненным настроением.

В пятой главке, уже после знакомства читателя с главным героем, лоцманом Битт-Боем, его характером, поведением, отношением к людям и обстоятельствам, Грин возвращается к рассуждению о свойствах людей этого типа: «Теперь нам пора объяснить, почему этот человек играл роль живого талисмана для людей, профессией которых был организованный, так сказать, риск». Характеристика строится на антитезе: «Наперекор умам логическим и скупым к жизни... встречаются существования, как бы (обратим внимание на это *как бы*. — Е. В.) поставившие задачей заставить других оглядываться на шорохи и характер неисследованного. Есть люди,двигающиеся в черном кольце губительных совпадений. Присутствие их тоскливо; их речи звучат предчувствиями; их близость навлекает несчастья» (разрядка А. Грина. — Е. В.). Людям пессимистического настроения Грин противопоставляет «другой, светлый разряд душ» — «легкого человека»; «верная их примета: простой смех». И далее:

Таким человеком, в силе необъяснимой и безошибочной, был лоцман Битт-Бой. Всё, за что брался он для других, оканчивалось неизменно благополучно, как бы ни были тяжелы обстоятельства...

Имя и прозвище героя рассказа приобретают символическое значение: «“Битт-Бой, приносящий счастье” — под этим именем знали его везде, где он бывал и работал». Характеристике соответствует портрет персонажа и радость, с которой его встречают в Лиссе:

Хоровой рев ветром кинулся по обширной зале, а отдельные выкрики, расталкивая восторженный шум, вынеслись светлым воплем:

— Битт-Бой! Битт-Бой! Битт-Бой, приносящий счастье!

Встреча Битт-Боя в гостинице «Унеси горе» напоминает приход Христа в Иерусалим⁷. Ему улыбаются все — даже хмурые,

⁷ О христианских мотивах в художественном мире рассказа и в образе Битт-Боя подробно пишет Е. А. Яблоков, указывая на связанные с героем ожидания капитанов, его возраст, «гигантское сердце», полное любви к людям и Режи, мотив болезни сердца в финальной песне, умение видеть в любых людях добро, готовность быть как бы распытым из любви ко всем

недолюбливающие друг друга капитаны, он «пожал десятки, сотни рук». С его появлением у капитанов появляется надежда выйти из гавани, запертой вражеским капером, от него ждут спасения; Режи ждет его как жениха и надеется, что свадьба теперь состоится. Евангельские коннотации поддерживаются композицией текста — в частности, его построением от утверждения, в форме нуждающегося в истолковании сравнения, — к фабуле, иллюстрирующей смысл этого сравнения. Такая же синтаксическая композиция отличает ритмически уравновешенные с помощью рефрена тексты притч Христа о царствии небесном, последовательно истолкованном через сопоставление с разными образно-конкретными типизированными ситуациями — ср.: «Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем...» [Мф 13: 24–30]; «Царство Небесное подобно зерну горчичному...» [Мф 13: 31–32] и т. п.

Прозвищу Битт-Боя синонимичны перифразы: «славный человек», «барабанщик фортуны», «общий любимец», «живой талисман». Однако Грин употребляет двусмысленный эпитет: «тот, кого приветствовали значительным и *прелестным* (курсив наш. — Е. В.) именованием, сильно покраснев, остановился у входа...». Такая роль — это искушение («прелесть» в этимологическом значении) и для Битт-Боя, и для тех, кто видит в нем спасителя, используя «живой талисман» в «обиходе». С живым талисманом сравнивается и гавань Лисса — «грязная, как молодой трубочист». По мере развития фабулы прозвище Битт-Боя как бы утрачивает свою силу: приносящего

четырем капитанам («если бы я мог разорваться на четверо — я сделал бы это»), библейские коннотации в названиях кораблей. Сравнение с Ионой, прощальная сцена в саду, ассоциативно нагруженное название фирмы «Хевен и Ко», в которой Битт-Бой покупает башмаки «с гвоздями навывлет», как бы испитая в гостинице «Колочая подушка» (ассоциация с терновым венцом) последняя чаша, прощание с Режи в саду — это и многое другое актуализирует евангельские мотивы и открывает возможность интерпретации фабулы как перехода из земного бытия в бесконечное путешествие (из смерти в бессмертие) — одновременно плавание на таинственном корабле «не от мира сего» в направлении Южного Креста и полет в голубом луче по темному небу [Яблоков 2008: 183–184].

счастье повествователь называет «несчастливым» еще до того, как читатель узнает о причинах странного поведения героя, его внезапной серьезности и задумчивости, — до того, как откроется «обстоятельство», помешавшее ему пойти лоцманом на «Арамею», до того, как он покажет капитану с говорящим именем Эскирос⁸ «язвенную, безобразную» раковую опухоль над левым соском, ставшую пружиной всех его поступков. После этого слова «приносящий счастье» употребляются в кавычках в словах Эскироса («Вы? Битт-Бой, “приносящий счастье”? Люди оборачиваются на эти слова») и в заключительном предложении текста («Три слова⁹ эти явственнее всех расслышал лоцман Битт-Бой, “приносящий счастье”»). Приносящий удачу другим, Битт-Бой не принес счастья себе.

В обобщенной характеристике типа людей, к которому принадлежит главный герой, выделена потребность в определенности, ясности и естественности; требования такой души «наивны и поэтичны». Повествователь раскрывает свойства этой души в высказывании с наглядно-примерной референцией:

Такой человек предпочтет лошадей вагону; свечу — электрической груше; пушистую косу девушки — ее же хитроумной прическе... розу — хризантеме; неуклюжий парусник с возвышенной громадой белых парусов, напоминающий лицо с тяжелой челюстью и ясным лбом над синими глазами¹⁰, предпочтет он игрушечно-красивому пароходу.

⁸ Е. А. Яблоков отмечает поразительное совпадение значения испанского слова *escirro* (рак, злокачественная опухоль грудной железы) с «обстоятельством», которое привело Битт-Боя, «приносящего счастье», на странный корабль с названием «Фелицата» (по-латыни — «счастье»), — на корабль, как бы предназначенный именно для него и ждущий в гавани Лисса именно его [Яблоков 2012: 48].

⁹ Три слова из припева песни «Джона Манишки», которую поют матросы «Фелицаты» («...Да помилует нас!»), варьируют многократный повтор «Господи, помилуй!» в молитве о прощении грехов, включаемой в православный чин причащения больных.

¹⁰ Этот образ становится объектом сравнения в компаративной конструкции (дополненным выразительными эпитетами) и строится с помощью причастия *напоминающие*. Лексический повтор играет роль семантической рифмы

На основе синтаксического параллелизма в однородный ряд включены ассоциативно связанные семей простоты, соответствия старому обиходу, намеренно консервативные и апеллирующие к чувственному опыту читателя образы-маркеры противопоставленных картин мира. Мир, адекватный человеку, напоминающему старомодную табакерку, обрисован пунктирно, но в то же время получает предметную определенность. Аналогичным способом в следующей главке в эскизном описании, построенном как длинный хаотичный ряд однородных членов (обозначающих разнородные, но ассоциативно однотипные явления), будет раскрыт характер Лисса — города-табакерки.

Однако описание сущности типа людей и соответствующего им города с гаванью через метонимически связанные с ними предметы-субституты не объясняет заявленной в инициальном предложении ассоциации именно с табакеркой. Средством выражения ассоциативной связи является лексемный повтор — причастия *напоминающие* (в форме подхватывающего рефрена: «Но — начали мы — есть люди, напоминающие...») и личной формы глагола *напоминает* («город... определенно напоминает бродягу...»). *Напоминать* не обязательно означает сходство, хотя бы и приблизительное (в отличие от прилагательного *похожий*), но и не исключает такого понимания (ср. различие в управлении: *напоминать* о чем? / что?). Чтобы напоминание «сработало», в сознании читателя должны возникнуть определенные свойства табакерки, но без пояснений основание сравнения остается неопределенным (тем более что далее Грин варьирует первую фразу, заменяя слово *табакерка* контекстуальным синонимом *старинный обиходный предмет* — перифразой с еще более абстрактным языковым значением).

Следующий после первого предложения комментарий повествователя касается только прилагательного *старомодный*, перенося акцент с предмета на эксплицированный признак¹¹. Причисляя предмет к целому поколению («она — целое

поколение») и «формам иного времени», отделенного от нынешнего «столетиями», Грин сталкивает в рамках вариативного повтора паронимы *старомодный* («сделанный, изготовленный по старой моде, старого фасона, образца» и «свойственный старому времени, принятый в старое время, устарелый»¹²) и *старинный* («созданный, возникший в старину и сохранившийся с тех пор» и «существующий долгое время; давний, старый»¹³). Если первый подчеркивает наличие временной границы и несоответствие новому времени, но не говорит о возрасте, то второй как раз делает акцент на возрасте, но нивелирует границу эпох. Связывая паронимы одновременно отношениями синонимии и антонимии¹⁴, Грин предвещает заключительную фразу первой главки: «Внутренняя его [человека описываемого типа. — *Е. В.*] жизнь по необходимости замкнута, а внешняя состоит во взаимном отталкивании». Диалектическая динамика внешней жизни не отражается на жизни внутренней, закрытой для наблюдателя и, как кажется, не меняющей своей формы (ср. в том же абзаце рассуждение о душе, которая, кристаллизуясь в определенный момент жизни, «укладывается в неколебимую форму»).

Антитеза внешнего / внутреннего и мотив формы души возвращают к слову *табакерка*, стоящему в сильной позиции конца первого предложения, но употребленному

«перенесение акцента с предмета на его признак или впечатление от предмета» [Шевякова, Электронный ресурс].

¹² Словарь русского языка: в 4 т. — М., 1981—1984. — Т. 4. — С. 250 (MAC-IV).

¹³ Там же.

¹⁴ Старомодный / старинный предмет физически принадлежит двум временным пластам и в сущности является вневременным, хотя и меняется в оценочном плане (в соответствии с законами «моды», контекстуальным синонимом которой в тексте Грина станет «манера жить»). Переходя от описания Лисса к фабульной части рассказа, Грин употребляет фразу, грамматическая неточность которой становится художественным приемом и синхронизирует построенные в гениритивном, изобразительном и информативном регистрах фрагменты текста: «В тот момент как начался наш рассказ, за столом гостиницы “Унеси горе”... перед окном, из которого картинно была видна гавань Лисса, сидели четыре человека».

в первом абзаце, подчеркивая ассоциативно-поэтический способ построения дискурса.

¹¹ Ср. замечание Э. Шевяковой о том, что для образов в произведениях Грина характерно

в рассказе только три раза (и только в первом абзаце). Непроизвольно входя в сознание читателя и при этом не обладая в начале текста достаточной объясняющей силой, оно попадает *как апельсин в суп* — так в рассказе «Состязание в Лиссе» характеризуется впечатление от внезапно сказанного слова.

В первом абзаце создан собирательный образ человека новой эпохи, пробным камнем для которого является табакерка. Исходной точкой сравнения-антитезы становятся люди «несовременные»: «люди эти, в душевной сути своей, так же чужды окружающей их манере жить, как вышеуказанная табакерка мародеру из гостиницы “Лиссабон”». Это второй *апельсин в суп*, потому что объект сравнения подан под видом прецедентного феномена, незнакомого читателю. Сравнение с мародером требует расширения языковой компетенции¹⁵, а название гостиницы, к сфере которой он принадлежит, кажется произвольным. На основе паронимической аттракции слово *Лиссабон* ассоциируется с названием города, в котором разворачивается действие, — Лисс. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона¹⁶ примечательно соседство словарных статей «Лисса» (название разных географических реалий) и «Лиссабон». Лиссабон здесь описан как старейшая столица Европы, через которую проходила связь с Новым Светом и куда привозились золото и экзотические товары; сообщается также, что это порт с гаванью, вход в которую опасен из-за рельефа дна и потому требует непереманного участия лоцманов. Таким образом, заключенное в кавычки, слово *Лиссабон* становится средством сопряжения разных временных и ценностных сфер, обозначая и прообраз, и антипод Лисса. С Лиссабоном связано

и распространение в Европе привычки курить или нюхать табак, вместе с которой появилась и мода на табакерки.

Лексическое значение слова *табакерка* («небольшая коробочка для табака, преимущественно нюхательного»¹⁷) включает семантику закрытого вместилища, которая повторится в разных образах (гавань, Лисс, низкая каменная ограда дома Режи, скрытое в Битт-Бое «обстоятельство», беременность Режи, сердце Битт-Боя, корабли, гостиницы, бочки с солониной и др.) и которая не исключает функции служить метафорой души.

Через несколько лет после «Кораблей в Лиссе» Грин пишет рассказ «По закону» (1924), где табакерка — атрибут матросов, которые кажутся герою-рассказчику «рыцарями», «героями, гениями, людьми из волшебного круга далеких морей», счастливыми людьми: им открыта дверь в «кругосветное плавание»; он присматривается «как к откровению» не только к их лицам и одежде, но и «к простым черным, лакированным табакеркам с картинкой на крышке, из которых эти, впущенные в морской рай, безумно счастливые герои вынимали листики прозрачной папиросной бумаги, скручивая ее с табаком так ловко и быстро...». В рассказе «Корабли в Лиссе» курение табака — отличительная черта всех капитанов; матросы с загадочной «Фелицаты» приходят в Лисс только за табаком (Лисс, следовательно, выступает в роли своего рода табакерки). Табакерка, таким образом, играет роль символа и путешественника, и места, из которого он выходит в невозвратное плавание, — Лисса, «бестолкового и чудесного порта», напоминающего бродягу, с гаванью, увы, закрытой со стороны моря капером. Ключом от замка послужит Битт-Бой, и заключительный эпизод выхода корабля в открытое море демонстрирует функцию гавани как промежуточного пространства между сушей и морем, морем и небом (на это намекает и деталь пейзажа: «магнетический пожар звезд» над Лиссом). Мотив границы между сферами реального и возможного, земного и надмирного, жизни и смерти развивается параллельно в образах Лисса и Битт-Боя, и этот смысл переносится на

¹⁵ Слово употреблено в известном не всем читателям переносном значении, помечаемом как разговорное: «о торговце-спекулянте, продающем что-н. по непомерно высоким ценам» [МАС-II: 230]; для спекулянта табакерка не представляет никакой утилитарной ценности, если, конечно, она не является драгоценной вещью.

¹⁶ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. — СПб., 1890–1907 [Электронный ресурс]. — URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/> (дата обращения: 02.04.2020).

¹⁷ МАС-IV. — С. 329.

табакерку — область соединения временных пластов и смысловых сфер.

Старомодная табакерка у нового владельца как бы музейный экспонат¹⁸:

Табакерку помещают среди иных подходящих вещей и показывают гостям, но редко случится, что ее собственник воспользуется ею, как обиходным предметом.

Грин направляет мысль читателя в сторону поиска причин, препятствующих табакерке быть использованной по назначению:

Почему? Столетия ли остановят его (нового собственника. — *Е. В.*)? Или формы иного времени, так обманчиво схожие — геометрически — с формами новыми, настолько различны по существу, что видеть их постоянно, постоянно входить с ними в прикосновение — значит незаметно жить прошлым?

Не только груз времени, но и нетождественность онтологических сфер вызывают страх пересечения границы, за которой кроется тайна, которая может выскочить, как черт из табакерки, или подчинить власти прошлого.

Соединение образов табакерки и необыкновенного города, дверь-гавань в который и из которого закрыта, дает право обратиться к сказке В. Ф. Одоевского «Городок в табакерке» (1834). Увиденный глазами героя-ребенка (сначала на крышке табакерки, а потом внутри) пейзаж расположенного на холмах золотого городка Динь-Динь, в котором день сменяется ночью, находит

соответствие в пейзаже Лисса; звучащий в городке мелодичный смех и присказка «динь-динь-динь» отзываются в смехе Битт-Боя и в фонетическом строе его имени («Битт-Бой! Битт-Бой! Битт-Бой!¹⁹...»). Но главное — тема музыки, составляющей тайну и чудо табакерки в сказке Одоевского, музыки, приводимой в действие дамой-пружинкой, которую мальчик Миша нечаянно сломал во время путешествия внутри табакерки. Музыкальные мотивы есть в описании Лисса («пение вдали и его эхо в овраге», «лодки со смеющимися голосами», производимое Лиссом общее «впечатление независимости и поэтической плавности»), и они говорят о подчиненности жизни города некоему музыкальному закону, как подчинен ему человек «с цельными и ясными требованиями», делающими его независимым от внешнего мира. Интертекстуальная связь с произведением Одоевского актуализирует в образе табакерки у Грина важные компоненты смысла. Своего рода музыкальными табакерками, хотя и по-разному звучащими, обернутся и поющий Лисс, и обладающий «простым смехом» и музыкальным именем Битт-Бой, и «Фелицата», на которой «экипаж задумчивых²⁰» поет песню «Джона Манишки».

Образ табакерки в рассказе, возможно, имеет и автобиографические истоки. В статье «Табакъ» в «Толковом словаре живого великорусского словаря» В. И. Даля упоминается «слободская (вятск.) каповая табакерка²¹. А. С. Гриневский родился в г. Слободском Вятской губернии; именно там берет начало названный Далем промысел²². Из капа (нароста на березе, похожего на опухоль) изготовлялись в том

¹⁸ В определенном смысле Режи тоже предлагает Битт-Бою, если бы он остался в Лиссе, перспективу стать музейной статуэткой, красивой игрушкой: «ты всегда будешь для меня фарфоровый, белый» (антоним к образу молодого трубочиста талисмана гавани Лисса; белый и фарфоровый Битт-Бой лишается своей функции приносить удачу), «мы будем играть в жениха и невесту». Образ мира, которым пытается утешить жениха Режи, называя его «умницей» за то, что он ее слушает, содержит знакомые реалии, но, данные в кавычках, они профанируются: беговая лошадь «Битт-Бой» (в отличие от лощмана Битт-Боя), собака «Умница» (в отличие от вечного бродяги, не привязанного к дому) и кошка «Режи» (в отличие от возлюбленной — Королевы Ресниц). Слова Режи (трудно сказать, какие именно) и вынутый ею из-за корсажа кинжал (выражение ее готовности доказать Битт-Бою свою любовь) заставляют созревшее в герое некое решение хлынуть «в другую форму».

¹⁹ Двухчастный характер имени, фонетический повтор начальных звуков, оппозиция гласных [и]/[о] и конечных согласных — усиленного графическим повтором твердого [т] и мягкого сонорного [й] — ассоциируются не только с биением сердца и ритмом дыхания, но и с колокольным звоном, что особенно явно в эпизоде появления Битт-Боя в гостинице «Унеси горе».

²⁰ Ср.: «плодотворную задумчивость» вызывает в повествователе созерцание табакерки.

²¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М., 1978–1980. — Т. 4. — С. 384.

²² <https://вятка.пф/arts/kapokoreshkovy-promysel/> (дата обращения: 20.04.2020).

числе табакерки. Цвет готового изделия напоминает золото. Ассоциации с образным строем и фабулой рассказа кажутся удивительными.

Корабли «Марианна», «Президент», «Пустынник» и не принятая капитанам в расчет «Фелицата», подобно табакерке, имеют каждый свое содержание (о нем говорят и название, и характер груза) и воспринимаются как варианты судьбы Битт-Боя, которой он подчинился бы как «плану жизни», став лоцманом на одном из кораблей. Вместо «жеребья» выбор решения отдан баклану, и «глупая птица» (она же «птичка божия») направлением полета, а затем плавания, как кажется, указывает на «Арамею» (знак возвращения в землю обетованную), но лоцман в конечном итоге выберет «Фелицату», стоявшую в том же направлении, что и «Арамея», но дальше, и в сущности указанную птицей. Именно этот корабль, подобный старомодной табакерке (и с табаком, и с музыкой), точно соответствует Битт-Бою и откроет ему выход в вечность и бесконечность. Как поставленное в кавычки слово «Фелицата» станет средством выражения противоположных смыслов (счастья и несчастья, жизнь вечную и форму смерти), так и заключенное в кавычки в финальной фразе прозвище Битт-Боя, душа которого наконец «укладывается в неколебимую форму», станет энантисемичным.

Странная и не в полной мере понятная сначала ассоциация раскрывает к финалу рассказа свой смысл, доказывая удивительное мастерство А. С. Грина в искусстве мыслить образами.

ЛИТЕРАТУРА

Бочковская Т. Я. «Так как я пишу вещи необычные...»: сравнения в романе А. Грина «Бегущая по волнам» // Русская речь. — 1990. — № 6. — С. 15–18.

Воспоминания об Александре Грине. — Л., 1972.

Ковский В. Е. Романтический мир Александра Грина. — М., 1969.

Кржижановский С. Собр. соч.: в 6 т. — СПб., 2001. — Т. 1.

Одоевский В. Ф. Городок в табакерке // Одоевский В. Ф. Сказки дедушки Ирины. — М., 1993. — С. 126–135.

Шевякова Э. Поэтика Александра Грина и европейское художественное сознание конца XIX — начала XX веков [Электронный ресурс]. — URL: <https://md-eksperiment.org/post/20161127-poetika-aleksandra-grina-i-evropejskoe-hudozhestvennoe-soznanie-konca-xix-nachala-xx-vekov> (дата обращения: 17.03.2020).

Яблоков Е. А. А. С. Грин в жизни и в творчестве: учеб. пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. — М., 2012.

Яблоков Е. А. Текст и подтекст рассказа А. Грина «Корабли в Лиссе» // Кормановские чтения. — Вып. 7. — Ижевск, 2008. — С. 180–189.

REFERENCES

Bochkovskaya T. Ya. «Since I write unusual things...»: comparisons in A. Green's novel «Running on Waves». In *Russkaya rech'* [Russian Speech]. 1990, No. 6, pp. 15–18. (In Rus.)

Memories of Alexander Green. Leningrad, 1972. (In Rus.)

Kovsky V. E. Romantic world of Alexander Green. Moscow, 1969. (In Rus.)

Krzhizhanovsky S. Collected works: in 6 vols. Saint-Petersburg, 2001, vol. 1. (In Rus.)

Odoevsky V. F. Town in a snuffbox. In *Odoevsky V. F. Skazki dedushki Irineya* [Tales of Grandfather Irenaeus]. Moscow, 1993, pp. 126–135. (In Rus.)

Shevyakova E. Poetics of Alexander Green and European artistic consciousness of the late XIX — early XX centuries [Electronic resource]. URL: <https://md-eksperiment.org/post/20161127-poetika-aleksandra-grina-i-evropejskoe-hudozhestvennoe-soznanie-konca-xix-nachala-xx-vekov> (accessed: 17.03.2020). (In Rus.)

Yablokov E. A. A. S. Green in life and in creativity: a textbook for schools, gymnasiums, lyceums and colleges. Moscow, 2012. (In Rus.)

Yablokov E. A. Text and subtext of A. Greene's short story «Ships in Liss». In *Kormanovskie chteniya* [Kormanov readings]. Issue 7. Izhevsk, 2008, pp. 180–189. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Михайловна Виноградова, кандидат филологических наук

Elena M. Vinogradova, Cand. of Sci. (Philol.)